

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.1>

Городилова Наталья Ивановна

Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого "Детство", "Отрочество", "Юность"

Статья посвящена анализу художественно-автобиографической трилогии Л. Н. Толстого "Детство", "Отрочество", "Юность" в контексте формирования эпической доминанты его художественного мира. Изучение трилогии как первого эпического замысла писателя определило научную новизну работы. Целью исследования являются анализ средств воплощения эпической картины мира и связь трилогии с романным творчеством писателя. Полученные результаты показали, что эпическая природа трилогии определяется масштабом творческой задачи (возрастные периоды как эпохи жизни), выбором героя и типом конфликта (человек совестливый, склонный к аналитическому взгляду на жизнь, в поисках истинного смысла жизни), разрешение которого определяется движением героя от "Я" к миру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 5-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русская литература

Russian Literature

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.1>

Дата поступления рукописи: 22.07.2020

*Статья посвящена анализу художественно-автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» в контексте формирования эпической доминанты его художественного мира. Изучение трилогии как первого эпического замысла писателя определило **научную новизну** работы. **Целью исследования** являются анализ средств воплощения эпической картины мира и связь трилогии с романным творчеством писателя. **Полученные результаты** показали, что эпическая природа трилогии определяется масштабом творческой задачи (возрастные периоды как эпохи жизни), выбором героя и типом конфликта (человек совестливый, склонный к аналитическому взгляду на жизнь, в поисках истинного смысла жизни), разрешение которого определяется движением героя от «Я» к миру.*

Ключевые слова и фразы: Толстой; роман; эпос; художественно-автобиографическая трилогия; художественный замысел.

Городилова Наталья Ивановна, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
natromanova2007@yandex.ru*

Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»

Вхождение Л. Н. Толстого в мир серьезной литературы прочно связано с повестью «Детство», опубликованной на страницах журнала «Современник» в 1852 году. Значимость ее определяется не только статусом первой публикации начинающего автора, впоследствии составившего славу русской и мировой литературы, но и фактом появления самобытной творческой индивидуальности. Присущие автору склонность к углубленному изучению себя, живой интерес к вопросам философского порядка, стремление к деятельному добру определили типичные черты художественного мира писателя, отличающегося эпической многомерностью.

Проблема эпического в творчестве Толстого неоднократно поднималась в специализированной литературе, но ее решение велось, как правило, на материале романного творчества писателя. Анализ трилогии в аспекте формирования эпической доминанты толстовского творчества позволит уйти от формальных критериев исследования: не объем произведения, многогеройность и другие количественные характеристики определяют природу эпического, а прежде всего художественная задача автора.

Актуальность нашего исследования обусловлена, с одной стороны, современной научной тенденцией, связанной с пересмотром устоявшихся жанровых определений русского реалистического романа второй половины XIX в., а с другой – назревшей необходимостью целостного подхода к творчеству Толстого, который помогает увидеть художественную константу эволюции автора.

Цель исследования определила следующие конкретные **задачи**: во-первых, прояснить авторский замысел, отражающий своеобразие творческого мышления писателя; во-вторых, объяснить выбор героя, проследить его жизненный путь и способы его воплощения; в-третьих, осмыслить тип конфликта; в-четвертых, установить идейно-художественные соответствия между трилогией и романным творчеством писателя. Для выявления эпической природы первого замысла Толстого применяются историко-генетический **метод**, а также методы системного и целостного анализа.

Теоретической базой статьи являются труды Б. И. Бурсова, М. Б. Храпченко, И. В. Чуприной, Б. М. Эйхенбаума, в которых всесторонне и глубоко рассматривается идейно-художественное своеобразие трилогии и связь ее с дальнейшим творчеством писателя.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и основные положения могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории русской литературы, посвященных изучению литературного процесса середины XIX века, а также при дальнейшем изучении творчества Толстого.

История создания художественно-автобиографической трилогии восходит к неоконченному роману «Четыре эпохи развития». Автор поставил перед собой довольно непростую задачу – описать внутреннее развитие

молодого человека на протяжении четырех этапов его жизни, соответствовавших частям «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Молодость». Полностью осуществить задуманное писателю не удалось: последняя часть так и не была написана, хотя частично этот замысел был реализован в повести «Утро помещика». При этом Толстой стремился не просто описать несколько периодов человеческой жизни, но «резко обозначить характеристические черты каждой эпохи жизни»: в детстве – это «теплота и верность чувства», которые, взрослея, человек утрачивает; в отрочестве – «скептицизм, сладострастие, самоуверенность, неопытность и <начало тщеславия> гордость», в юности – «красота чувств, развитие тщеславия и неуверенность в самом себе» [14, с. 243].

Глубина творческой идеи, ее масштаб – эпохи жизни «не просто некоего единичного лица, но обобщенного человека» [3, с. 116] – рядом со стремлением выявить качества изучаемого явления свидетельствуют об аналитической черте повествования Толстого. Авторскую индивидуальность чутко уловили современники писателя. П. В. Анненков справедливо отмечал: «Повествование г. Л. Н. Толстого имеет многие существенные качества исследования, не имея ни малейших внешних признаков его и оставаясь по преимуществу произведением изящной словесности» [1, с. 122].

Уже в трилогии появляются типичный толстовский герой и тот универсальный конфликт, к которому писатель будет обращаться на протяжении всего творчества: совестливый человек, с зорким внутренним зрением, с обостренным нравственным чувством в поисках «такого смысла жизни, которой бы давал удовлетворение высоким духовным запросам» [9, с. 32]. От Николеньки Иртеньева тянутся нити к Андрею Болконскому, Пьеру Безухову, Константину Левину – героям, в которых запечатлелся «опыт собственных духовных исканий Толстого» [2, с. 125]. Конечно, Николенька Иртеньев еще слишком молод: серьезные идейные кризисы, через которые пройдут другие толстовские герои, не реализованы в повествовании, они лишь предчувствуются. Это объясняется, с одной стороны, закономерностями сюжета, имеющего возрастные границы, а с другой – духовным состоянием автора, которому предстояла еще целая полоса исканий. Но уже в судьбе первого толстовского героя намечена та жизненная коллизия, которая определяла и судьбу его создателя: путь героя неминуемо ведет его к конфликту со своей средой. В истории Николеньки Иртеньева намечается важное для самого Толстого движение от «я» к «мы», от индивидуального к народному.

Основная тема трилогии – формирование и развитие личности – выдвигает в центр повествования образ юного Николеньки Иртеньева и определяет ее композиционные особенности. Выбор героя всегда был важной частью творческого процесса писателя. И дело здесь не только и не столько в близости героя и автора, сколько в типе личности. Чуткий и впечатлительный Николенька склонен к эмоциональному, а значит, неравнодушному восприятию жизни, тяга к самоанализу в сочетании с морально-нравственным императивом побуждает его жить по совести и правде, рождает внутреннее беспокойство, сомнения, строгое осуждение себя за проступки. Только такой человек мог стать центром художественной картины мира Толстого, воплотившего в своем творчестве «мысль о громадных духовных возможностях человека, рожденного для движения, для нравственного и духовного роста» [7, с. 485]. Каждая часть трилогии отражает определенную ступень духовной биографии Николеньки, идущего по пути постепенного открытия несовершенства «большого», взрослого мира и углубленного познания себя.

Детство в изображении Толстого – это светлая и чистая пора, для которой свойственны любовь к миру, радость познания жизни, доверие к людям. Но при этом оно не лишено драматизма и сложности. В безоблачном, казалось бы, мире ребенка есть люди несчастные, страдающие. Карл Иваныч, бедный и одинокий, всю жизнь проведший вдали от родины, в чужом доме, один из первых наводит Николеньку «на размышления о чужих несчастьях, о несправедливости, о тяжести разлуки» [5, с. 124], внося заметные черты дисгармонии в повествование.

Сложность и противоречивость отличают и характер ребенка. Несомненно, мальчик добрый, открытый, глубоко чувствующий, правдивый, Николенька при этом не лишен и отрицательных черт, которые позднее получают более сильное развитие, – самолюбия, гордости, подражательности, сословных предрассудков. Процесс взросления ребенка тесно связан с его окружением. Неслучайно в трилогии много «главок-характеристик» [17, с. 200], названных по именам отдельных персонажей: в «Детстве» и «Отрочестве» это в основном члены семьи и ближайшие друзья, в «Юности» родственно-семейный круг заметно расширяется за счет возмужания героя. Безусловно, положительным примером в жизни ребенка стали татан, Карл Иваныч и Наталья Савишна.

Образ Натальи Николаевны – один из самых поэтичных образов трилогии, что сказалось на способе его изображения, лишённого «излишней телесности и рельефности» [8, с. 100]. Ее любовь, нежность, доброта, забота о семье стали для взрослого Иртеньева источником самых светлых, чистых, вдохновенных воспоминаний детства. Неслучайно смерть матери символизирует конец счастливой поры детства и начало нового жизненного этапа.

Немного смешной, не блещущий яркими талантами, но добрый и безмерно преданный семье Карл Иваныч – «типичный для усадебной дворянской жизни того времени домашний учитель, гувернер-иностранец» [6, с. 314] – оставил глубокий след в душе ребенка своей деликатностью и непритворной любовью к воспитанникам. В общении с ним мальчик раскрывается с лучшей своей стороны: его мечты о будущем непременно включают трогательную заботу о старике и его родных.

В Наталье Савишне, представляющей тип крепостной прислуги, всю жизнь посвятившей служению семье Иртеньевых, герой ценит искреннюю любовь к детям, преданность семье, смирение перед непростой судьбой. Только в искренности ее слез не сомневается Николенька, когда наблюдает за поведением людей в сцене похорон матушки, только в ее обществе чувствует некоторое облегчение своего горя: равнодушные и формальные соболезнования вызывают в герое раздражение, в отличие от простых и сердечных слов няни. Позднее в романе «Анна Каренина» сходные отношения будут связывать Левина с няней и экономкой

Агафьей Михайловной, с которой он делил свой деревенский быт, хозяйственные заботы, вечерние досуги. Ее скупые слова утешения находят отклик в душе Левина, мучительно переживающего отказ Кити. Народные представления няни о жизни, согласно которым «о своей душе... пуще всего думать надо» [10, с. 293], раскрывают ту благодатную почву, в которой рос и воспитывался герой, пришедший в конце концов к вере.

Маман, Карл Иванович и Наталья Савишна сыграли важную роль в судьбе героя, осознанную им спустя годы: являя собой живой пример настоящей любви, лишенной эгоистического начала, они вели героя от сосредоточенности на себе к выходу в большой мир, к пониманию того, что он не центр, а лишь маленькая часть общей жизни. Этот же путь, на который только-только встает Николенька Иртеньев, пройдет и Пьер Безухов. Переживая трудный процесс познания себя, Пьер придет к мысли о том, что он лишь капля в море других подобных же капель, которые «то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие» [11, с. 168].

Близость к другим персонажам постепенно искажает добрую и открытую натуру мальчика, способствуя развитию отрицательных сторон его характера – самолюбия, тщеславия, жестокости.

Центральным в этом ряду является образ отца. В глазах ребенка Петр Александрович – это глава большой семьи, от воли которого зависят многие обстоятельства ее жизни и в отношении к которому необходимо проявлять послушание. В чувствах мальчика преобладают уважение и восхищение, которым контрастно восприятие взрослого повествователя: в главе X «Что за человек был мой отец?» образ Петра Александровича представлен уже как определенный социальный и психологический тип, со всеми его достоинствами и недостатками. Введение этой главы в «Детство» выявляет предпосылки развития в Николеньке того критического взгляда на отца, который заметно усилится в последующих частях трилогии.

Сопоставление братьев позволяет обратить внимание на разность двух характеров и ярче выявить индивидуальность Николеньки. Обладая натурой сильной и решительной, Володя видит мир во многом иначе, чем брат. Различие братьев ярко проявляется в сцене вечернего бала в московском доме бабушки. Волнение Николеньки, впавшего в отчаяние из-за отсутствия перчаток, необходимых для танцев, особенно заметно на фоне спокойствия и рассудительности Володи, здраво предложившего обратиться за советом к взрослому. Прекрасно уловил различие сыновей Петр Александрович, представивший их княгине Корнаковой. Володю он рекомендовал: «Этот у меня будет светский молодой человек...» [13, с. 80], – а Николеньку назвал поэтом. В характеристике отца прекрасно переданы выдержка, спокойствие и сдержанность Володи, быстро ориентирующегося в новой для себя среде (в светском обществе), и эмоциональность, тонкая восприимчивость Николеньки, склонного к наблюдениям и размышлениям.

Володя как старший брат вызывает вполне естественное чувство восхищения младшего и желание ему подражать, но намеченная в «Детстве» черта взаимоотношений братьев получит дальнейшее развитие в последующих частях трилогии и обернется источником многих заблуждений героя.

Раскрытие сложного характера ребенка помогает и композиция повести, дающая возможность проследить за совершающимися в Николеньке изменениями и выразить мысль автора: взрослея, ребенок постепенно утрачивает свою нравственную высоту, открытость и непосредственность.

Условно в повести выделяются несколько частей. Одна из них повествует о деревенском дне жизни мальчика; другая переносит действие в Москву. Между этими частями проходит около месяца. События, о которых рассказывается в последних главах, происходят спустя шесть месяцев и образуют, как отмечает Б. М. Эйхенбаум, третью, финальную часть [18, с. 107-108]. Толстой сначала «показывает Николеньку в деревне, вблизи природы, в своей семье, а потом в городе, в свете, под властью светских мнений и подчеркивает благотворное влияние первой обстановки и вредное влияние второй» [16, с. 82]. При описании первого дня в основном преобладают радостные краски: мальчик открыт миру, который поворачивается к нему своей светлой стороной, растет в атмосфере любви и душевного тепла, окружен только близкими людьми, в чьем добром расположении к себе он не сомневается. Здесь герой близок к матери, Карлу Ивановичу, Наталье Савишне – тем людям, которые своим личным примером учили Николеньку доброте, сердечности, самоотверженности. Конечно, и в описании первого дня есть эпизоды, нарушающие счастливое мировосприятие героя. Так, сцена ссоры папа с Карлом Ивановичем вызывает сильные переживания мальчика. Но этот конфликт оказывается недоразумением, оканчиваясь счастливо и восстанавливая нарушенную гармонию восприятия.

Далее происходит одно из важнейших событий в жизни каждого ребенка – отъезд из родного дома, стены которого оберегали его на протяжении многих лет. В описании второго дня Николенька оказывается в иной среде, где царят свои законы, сильно отличающиеся от того, к чему он привык с малых лет. В новой обстановке герой отдаляется от матери, оказываясь под опекой отца и влиянием брата и сверстников. В этой части повести уже значительно расширяется круг изображаемых лиц, а значит, большее число событий становится предметом наблюдений и размышлений мальчика.

В период московской жизни перед взором Николеньки проходит целая галерея светских типов – княгиня Корнакова, князь Иван Иванович, бабушка. Он становится свидетелем разговора бабушки и князя Ивана Ивановича, в котором любимый папа предстает как эгоистичный человек, заботящийся только о собственных удовольствиях. Непосредственной реакции Николеньки Толстой не показывает, но последняя ремарка главы: «...я на цыпочках и в сильном волнении выбрался из комнаты» [13, с. 85] – дает понять, что на впечатлительного и эмоционального мальчика этот разговор должен был произвести неизгладимое впечатление, учитывая, на какой моральной высоте стоят для него родители. Николенька оказывается свидетелем и неприятной сцены между Этьеном Корнаковым и лакеем, раскрывающей с отрицательной стороны моральный облик молодого дворянина.

Важное место в жизни ребенка занимают сверстники, круг которых заметно расширяется в Москве. Николеньку поражает необычная красота Сережи Ивина, его смелый и решительный характер. Общение с ним выливается в сильное чувство, сродни влюбленности. Дружба с Сережей, в которой мальчик проявляет лучшие свои черты: готовность к бескорыстному служению, искренность, преданность, – имеет и оборотную сторону. Из страха заслужить обидное прозвище «мальчишки» Николенька скрывает свое трогательное детское расположение к другу, который тиранически пользовался своей властью. Вместо радости общения мальчик часто испытывает горькие чувства: «Иногда влияние его казалось мне тяжелым, несносным; но выйти из-под него было не в моей власти» [Там же, с. 87]. Именно Сережа Ивин был инициатором жестокого поступка с Иленькой Грапом, в котором участвует и Николенька. Чувство несправедливости по отношению к Иленьке перевешивается любовью к Сереже, уверенностью в правоте обожаемого друга, восхищением его стойкостью перед физической болью, что и приводит героя к самообману. В результате Николенька оправдывает жестокий поступок Сережи Ивина, ошибочно принимая его за героизм. Позднее взрослый повествователь твердо осудит свою дружескую любовь за «темные пятна на страницах... детских воспоминаний» [Там же, с. 92].

Московская жизнь наложила заметный отпечаток на мальчика. В финальных главах, описывающих смерть и похороны матери, герой изображается после полугода городской жизни – значительный промежуток времени для восприимчивого и впечатлительного Николеньки. Мальчик повзрослел, в нем заметно развился критический взгляд на мир: несмотря на сильное горе, он зорко следит за людьми, не доверяя искренности их чувств. Во время панихиды герой видит выразительное лицо и грациозные движения отца, которые ему не нравились своей эффектностью; громкий плач Мими, постоянно закрывающей лицо платком, наводит его на мысль о притворстве, неискренности ее горя. Утрата свежести и непосредственности детского взгляда на окружающий мир мотивируется не только испытанным горем, но и уже изменившимся сознанием мальчика, находящегося на рубеже нового этапа жизни.

Не менее противоречиво внутреннее состояние героя. Смерть матери поражает Николеньку сильно и глубоко, но к его чувству скорби постоянно примешиваются посторонние эмоции: то страх, что священник увидит в нем бесчувственную натуру; то желание продемонстрировать свое горе; то раздражение на людей, имеющих его сиротой. В Николеньке заметно развивается тщеславие, мешающее ему со всей искренностью отдаться горю, ощутить тяжесть потери.

Уже в период счастливого детства мальчик начинает открывать сложность и неоднозначность мира, но писатель еще не противопоставляет героя и среду: в «Детстве» лишь намечены предпосылки для возникновения острого конфликта, который со всей очевидностью встанет в следующих частях трилогии.

Вторая повесть существенно отличается от первой: мрачный колорит ее особенно заметен на фоне светлых красок «Детства», неслучайно этот возрастной период автор называет «пустыней отрочества» [Там же, с. 193].

Новая эпоха знаменуется для Николеньки выходом из узких рамок семьи и открытием большого мира: «Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами...» [Там же, с. 145]. «Моральная перемена» [Там же], произошедшая вследствие этого нового взгляда, определила характер отношений Николеньки с людьми и самим собой: любовное приятие мира сменилось критическим взглядом на жизнь, скептическим мироощущением. Это, прежде всего, сказалось в отношении Николеньки к членам своей семьи: на место страха и благоговейного уважения к бабушке пришло сострадание и даже любовь, особенно остро испытанные мальчиком при виде искреннего, безутешного ее горя от потери дочери; по-прежнему теплое чувство к Карлу Ивановичу стало уживаться с подмеченными в нем смешными чертами характера; привычные домашние отношения с девочками осложнились из-за появившихся друг от друга секретов.

Значительная перемена происходит в отношении героя к отцу, который постепенно спускался с той нравственной высоты, на которую его когда-то поставил ребенок. Николенька уже позволяет себе задумываться над поступками папа, оценивать его действия. Внутреннее волнение Петра Александровича, рожденное игрой Любочки второго концерта Фильда, любимой пьесы тапан, и одновременно его диалог с красавицей Машей, заставивший ее покраснеть и опустить голову, возбуждают в Николеньке «непонятные и жестокие» мысли [Там же, с. 200], оскорбляющие чувство любви к отцу. В контексте трилогии сюжетная линия отца и сына несет важную идейную функцию: с одной стороны, эволюция взглядов Николеньки на Петра Александровича убедительно показывает, как постепенно усложнялся взгляд героя на людей, а с другой – свидетельствует о его внутреннем росте. Близость Володи к отцу, схожесть их жизненных позиций не предполагают сложной диалектики их отношений. Осуждение со стороны старшего сына вызвала лишь женитьба отца на Епифановой, родство с которой Володя считал унижительным, но этот взгляд – лишь логическое следствие светского воспитания. Разочарование Николеньки в отце рождено другим – разочарованием в личности, у которой «Бог знает, были ли... какие-нибудь нравственные убеждения?» [Там же, с. 55].

Взаимоотношения Николеньки со старшим братом – еще одно важнейшее звено повествования. Володя составляет не только ближайший круг общения героя в период отрочества, но и оказывает на него и его жизненные взгляды существенное влияние. Путь Володи – типичный путь молодого дворянина, быстро и легко усваивающего законы своего круга, не испытывающего сомнений в правильности своей жизни, твердо и уверенно идущего по проторенному многими поколениями пути. Сопоставление братьев, намеченное в «Детстве» и нужное для изображения несходства их натур, получает дальнейшее развитие в «Отрочестве». Толстой показывает, как вполне естественное желание подражать старшему брату приводит Николеньку к горькому заблуждению – усвоению взглядов людей своего круга, в результате приведшему к краху и разочарованию.

Дурное влияние общества на душу молодого человека – главная коллизия второй повести – раскрывается не только через образы отца и брата Николеньки. Пытливый взгляд мальчика направлен на людей и их взаимоотношения. Сопоставление двух характеров – Любочки и Катеньки – помогает Толстому подчеркнуть, с одной стороны, светскую фальшь и наигранность дочери Мими, а с другой – обычный стиль светского поведения, который вырабатывает в детях привычку к определенной манере подачи себя. Катенька, притворяющаяся близорукой, изображающая на публике нежное чувство к матери, признающаяся в своей нелюбви к мужчинам, вызывает в Николеньке гораздо больше симпатий, чем естественная, не склонная к кокетству сестра, – в этой оценке сказалось естественное для ребенка желание походить на взрослых.

Именно в отрочестве герой впервые постигает природу ненависти. Добрый, безмерно преданный семье, «смешной старик-дядька» [Там же, с. 184] Карл Иванович, которого Николенька искренне любил и считал членом семьи, был заменен на молодого, красивого, самоуверенного, гордого француза гувернера, эгоистичного и тщеславного, не вникающего в душевные переживания ребенка, а лишь занятого его умственным образованием и внешней благовоспитанностью. В отношениях с ним раскрываются темные стороны натуры мальчика. В главе с характерным названием «Затмение» описан сильный эмоциональный срыв Николеньки, находящегося в состоянии «возможности самого ужасного преступления без цели, без желания вредить, но так – из любопытства, из бессознательной потребности деятельности» [Там же, с. 173]. Во многом это состояние гнева, обиды, ненависти рождено равнодушным отношением взрослых к миру подростка: чувствительный и впечатлительный герой, не справляясь с эмоциями, не находит поддержки и слов сочувствия у близких, занятых собой и мало озабоченных его душевными переживаниями. Бабушка, высокомерная, строгая, погруженная в собственное горе, не имеет душевной близости с внуками, а отец живет своими заботами и интересами – светскими увлечениями и картами. Отроческие годы оставили тяжелый след в душе повествователя, потому что в них почти отсутствовали «минуты истинного теплого чувства» [Там же, с. 193].

И это принесло свои плоды. Внимательно наблюдая за юным героем, Толстой вскрывает глубокие внутренние изменения, затронувшие его душу. Мысль о социальном неравенстве, больно осознанная в разговоре с Катенькой, с одной стороны, рождает в Николеньке чувство стыда и непонимания, как может красивая, милая девочка быть бедной, а с другой – «какой-то практический инстинкт» [Там же, с. 144], мешающий искренне выразить ей свое сочувствие. В этом эпизоде ярко сказалась противоречивость мальчика, от природы чуткого и доброго, но часто поддающегося дурному влиянию.

Если в детстве в отношениях с людьми мальчик, как правило, проявлял свои лучшие качества, то теперь в нем на первый план выходят худшие из них – зависть, гордость, обида. Естественное чувство любви к брату в этот период осложняется ущемленным самолюбием: «Он во всем стоял выше меня: в забавах, в учении, в ссорах, в умении держать себя, и все это отдаляло меня от него и заставляло испытывать непонятные для меня моральные страдания» [Там же, с. 147].

Первенство Володи, его быстрое взросление, успехи в учебе, блестящее поступление в университет, статус взрослого, принимающего своих гостей, самостоятельно выезжающего со двора и имеющего свои интересы – все это отдаляет его от младшего брата.

Не менее негативный опыт выносит Николенька и из общения со сверстниками: чувство уязвленного самолюбия, тяжелое ощущение обиды, ревность – вот тот тяжелый круг переживаний, в который погружается мальчик.

По мере того как усиливается конфликт героя с миром, растет и разочарование в нем. Как следствие – остро переживаемое чувство одиночества, отчуждения от мира. Неслучайно в это время в Николеньке возрастает склонность к умственным упражнениям, к решению совсем недетских вопросов – о смысле жизни, о бессмертии души и др. Увлекаясь различными философскими концепциями, герой до такой степени развил в себе сознание, что «ум за разум заходил...» [Там же, с. 193]. Взрослый повествователь этот период умствования строго осудил, поскольку он уничтожил «свежесть чувств и ясность рассудка» [Там же, с. 192]. Здесь сказалось устойчиво отрицательное отношение Толстого к уму «как к средству познания мира», «способствующему заглушению природного добра» [16, с. 97].

Восстановление связей с миром намекало на постепенное преодоление внутреннего кризиса, намеченного в конце повести: важную роль в этом сыграла дружба с Нехлюдовым, которая помогла герою обрести душевные силы и выйти из мрачной эпохи отрочества.

«Юность» – следующий важный рубеж в биографии героя – характеризуется новым взглядом на жизнь, сущность которого «состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно» [13, с. 215]. Но если эта мысль знаменовала окончание отрочества, то в юности она перестала быть только мыслью, а перешла в область чувства и страстной веры в возможность скорого внутреннего исправления и жизни в соответствии с новыми моральными принципами. Душевный подъем, охвативший юного Николеньку, созвучен атмосфере весны с ее поэтическим влиянием на душу человека, с ожиданием чего-то нового и прекрасного, с разнообразными мечтами. Герой видит себя то помогающим бедным, то первым ученым России и даже Европы, то самым богатым и знатным человеком. Конечно, и мечты о ней занимают много его воображение. Среди многочисленных переживаний юности взрослый повествователь выделяет как основные «отвращение к самому себе и раскаяние» [Там же, с. 222], которые помогали ему осознать и преодолевать «власть жизненной лжи и разврата» [Там же] и были залогом возможного в будущем серьезного переосмысления жизненных взглядов. Но Николеньке предстояло много искушений на пути самосовершенствования, прежде чем он осознал ошибочность своих убеждений и смог признать, что высокий душевный порыв, вне сомнения искренний, часто

подменялся ложными идеями и самообманом. Не случайно «Юность» по объему значительно превышает предшествующие ей части. Это, с одной стороны, связано с вполне естественным расширением границ жизни Николеньки: если детство и отрочество еще тесно сплетены с семейным кругом, то юность выводит героя на более широкий жизненный простор, сталкивая с людьми из разных социальных слоев. А с другой – определялось сложностью художественной задачи: Толстой показывает, как труден и извилист путь человека в его сознательном стремлении к добру и правде.

Продолжая углубленное изучение внутреннего мира Николеньки, писатель отмечает свойственные юности желание казаться оригинальным и умным, потребность вызывать интерес, это часто вело к тому, что герой был не собой, а тем, кто мог нравиться. Взрослый повествователь спустя годы с недоумением вспоминал о себе: «Могу смело сказать, что я был гораздо лучше в действительности, чем то странное существо, которое я пытался представлять из себя...» [Там же, с. 352]. Желание производить эффект побуждает героя к оригинальным суждениям, которые, по его мнению, должны были производить самое выгодное о нем впечатление, а на самом деле оборачивались часто невежливостью и грубостью. Знакомясь с семьей Нехлюдовых, Николенька сообщает, что любит читать книги с середины, а не с начала, что не понимает прелести бесцельных прогулок, что восхищение природой – это «праздное, бесполезное занятие» [Там же, с. 302]. Подобного рода высказывания объяснимы застенчивостью героя, его страхом оказаться в неловком положении, желанием произвести впечатление, иначе говоря, молодостью и неуверенностью в себе.

Толстой показывает, как искренность, душевный взлет часто соединялись в душе Николеньки с тщеславием и самолюбованием. Сильный внутренний порыв, приведший его ко второй исповеди, осложняется приятными мыслями: «...духовник, верно, думает, что такой прекрасной души молодого человека, как я, он никогда не встречал в жизни...» [Там же, с. 233]. Чувство самодовольства, побуждающее героя «в назидание» извозчика рассказать ему причину своей поездки, наталкивается на непонимание последнего, после долгого молчания сумевшего только произнести: «...ваше дело господское» [Там же, с. 234]. Вдохновившись мыслью о самосовершенствовании, Николенька делает определенные успехи на этом пути: справившись с чувством досады, помогает Николаю с зимними оконными рамами, проявляет терпение в беседе с девочками и Мими за обедом. Но в этом «новом, добродетельном расположении духа» [Там же, с. 226] Толстой очень точно подмечает чувство умиления собой и даже досаду мальчика на то, что никто не обратил внимания на его кротость.

Однако наряду с юношескими слабостями автор видит в герое и качества, рожденные негативным влиянием среды. Отсутствие настоящего положительного примера перед глазами способствует тому, что Николенька усваивает образ жизни и стиль поведения близких ему людей. Жизненные интересы брата Володи и Дубкова неизменно связаны с картами, балами, шампанским. Отец, мало занятый умственным и душевным состоянием своих детей, заботится лишь о поддержании нужных светских связей. Отношения между людьми определяются в этом мире исключительно социальным положением. St-Jèrome «приискал себе место у какого-то графа, с тех пор как-то презрительно смотрел на наших домашних» [Там же, с. 224]. Николенька был оскорблен отношением к нему Ивина-старшего, «у которого было три звезды на зеленом фраке» и который едва удостоил его взгляда: «...я вдруг почувствовал, что я не человек, а какая-то не стоящая внимания вещь – кресло или окошко...» [Там же, с. 277].

Герой, следуя по типичному пути своего круга, усвоил сословный взгляд на человека: определение достоинства личности исключительно по его положению в обществе взрослый повествователь называет главным злом юношеского периода. Именно здесь истоки его теории *comme il faut*, согласно которой людей, заслуживающих уважения, отличает прекрасный французский язык, изящные ногти, умение держать себя в обществе и равнодушно-презрительный взгляд на мир. Внешняя благовоспитанность принимается Николенькой за порядочность и благородство. Люди, не относящиеся к классу избранных, не заслуживают с его стороны ничего, кроме презрения и равнодушия. Сложный и противоречивый характер мальчика ярко раскрывается в отношениях с Иленькой Грапом и его отцом. С одной стороны, он не верит в привязанность старика Грапа к своему семейству, считая, что в этом чувстве слились «унижение и попрошайничество» с «каким-то внешним добродушием и привычкою» [Там же, с. 265] к дому, и испытывает чувство стыда за него. Но с другой – не проявляет такта и понимания по отношению к бедному семейству, позволяет себе свысока смотреть на них и почитает за оскорбление себе поступление Иленьки в университет.

Аристократический взгляд на людей препятствует возникновению настоящего товарищества между Николенькой и однокурсниками. Гордость мешает его сближению с аристократами, но одновременно с этим отдаляет и от гимназистов: первых он дичится из страха выглядеть заискивающим, а вторых презирает за «их позы, речи и поступки», которые казались «неблагородны, непорядочны, не *comme il faut*» [Там же, с. 339], и считает недостойными своего общества.

Но Николенька неслучайно открывает галерею типично толстовских героев. В его судьбе уже предчувствуется постепенное преодоление влияния среды, открытие мира, который не укладывается в рамки сословной философии. Наследуя привычный путь людей своего круга, Николенька не живет сословными интересами полным сердцем, а словно придумывает свою жизнь, соответствующую определенным ожиданиям. Выдумывая свою любовь к Сонечке Валахиной, герой не желает отставать от влюбленных приятелей; сразу же после поступления в университет отправившись делать покупки, старается походить на брата. Но совершая вполне привычные всем действия, юноша часто испытывает чувство неудовлетворенности и разочарования: студенческая пирушка кажется ему притворством веселья, первый взрослый бал у Корнаковых остается тяжелым воспоминанием, светские визиты, свидетельствующие о его взрослости, лишь ставят в мучительное неловкое положение.

Возвращение к композиционному приему первой части – сопоставление Николеньки в городе и деревне – дает автору возможность показать, что ложные взгляды на жизнь не слились с натурой героя, они лишь внешнее подражание тем людям, которых он привык уважать. Не случайно в главе, получившей название «Юность», автор изображает Николеньку в стенах родного Покровского, погрузившего его в детские воспоминания, напомнившего дорогие образы татан, Натальи Савишны, Карла Ивановича. Естественность и искренность героя в деревне, его мечты о счастье, ощущение единства с природой свидетельствуют о внутренней неиспорченности и нерастрченных молодых силах, о душевной чистоте и невинности. А совесть, природная честность и правдивость с самим собой приводят его к мучительным сомнениям относительно верности своих убеждений. Большую роль в нравственном становлении Николеньки сыграло его общение со студентами-разночинцами. Их неопрятная внешность, грубые манеры, не всегда правильная речь – все это возбуждает в герое чувство брезгливости, презрения и даже ненависти. Но при этом Николенька, «предчувствуя что-то хорошее в этих людях» [Там же, с. 366], тянется к их обществу, пытается с ними сблизиться. Вопреки сословным предрассудкам, ставшим для него мерилом человеческой личности, юноша смог признать себя, что знания разночинцев намного обширнее его даже и в тех областях, в которых он сам считал себя первым, – эти грубоватые на вид, бедно одетые молодые люди прекрасно знали литературу и глубоко разбирались в музыке.

В отличие от большинства людей своего круга, Николенька – и в этом значительность героя для автора – смог поставить перед собой важный вопрос: «Так что же такое была та высота, с которой я смотрел на них? Мое знакомство с князем Иваном Ивановичем? выговор французского языка? дрожки? голландская рубашка? ногти? Да уж не вздор ли все это?» [Там же, с. 369]. Герой тем самым поставил под сомнение идею сословного превосходства – идею, ставшую одной из константных в жизни и творчестве Толстого. Повесть заканчивается главой с символическим названием «Я проваливаюсь»: за неудачей на экзамене стоит более важный провал – крах жизненной философии героя, строящейся на интересах своего круга. Чувство вины за дорогое сукно на сюртуке, голландские рубашки, дрожки, общение со студентами-разночинцами, все чаще возникающая «мысль о том, что надо переменить что-то в своих убеждениях...» [Там же, с. 374], намечают дальнейший путь героя – путь постепенного отхода от своего сословия и сближение с трудовым народом. Конечно, в Николеньке Иртеньеве Толстой показывает лишь «возможности человека в его противостоянии среде, его духовном самоопределении» [15, с. 15].

Повесть начинается и заканчивается единым настроением: первые ее страницы посвящены пробуждению героя, мечтающего устроить свою жизнь в соответствии с «идеалом добродетели» [13, с. 212]; финальные строки окрашены искренней «минутой раскаяния и морального порыва» [Там же, с. 376], побуждающего Николеньку дать себе слово не делать отныне ничего дурного. Повествовательное кольцо подводит к мысли о том, что герой снова стоит на пороге нового рубежа и что впереди у него еще долгий путь познания себя и жизни вокруг, новый круг ошибок и сомнений в себе, новая надежда на преодоление пороков. Важно, что «в этой повести Толстой впервые затронул ту тему “воскресения”, которая впоследствии составила содержание многих его произведений» [4, с. 152].

Открытый финал, позволяющий наметить новые перспективы в судьбах героев, станет типичным для романов Толстого. Пьер Безухов, прошедший через многочисленные испытания и нашедший счастье с Наташей Ростовою, тем не менее стоит на пороге следующего жизненного этапа, связанного с деятельностью тайных обществ. В финале «Анны Карениной» Левин, осуществив долгожданную мечту о семье, но при этом оказавшись на грани самоубийства, вдруг обретает почву под ногами, осознав, что жить надо для души, для Бога: «...жизнь моя теперь... не только не бессмысленна, какую была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» [10, с. 684]. На подъеме открытия истинного смысла жизни заканчивается и повествование о Нехлюдове («Воскресение»). Осмысление евангельских проповедей привело героя в состояние высокого душевного подъема, «точно он после долгого томления и страдания нашел вдруг успокоение и свободу» [12, с. 380]. Обретение веры стало для него началом новой жизни. Финалы толстовских романов воплощают любимую мысль автора о природе человека, непрестанно развивающегося и находящегося в постоянном поиске истинного смысла жизни.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. Трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» – важная веха в творчестве Толстого, поскольку уже в ней воплотились типичные черты его романного мира. Масштаб замысла, глубокая сила обобщения, аналитическая черта повествования позволяют воспринимать трилогию как роман, своеобразие которого определялось и особенностями проблематики, и выбором героя, и авторской позицией. Толстовский герой, наделенный «текучестью» сознания – залог постоянного внутреннего развития – и совестливым сердцем, проходит сложный путь открытия мира – путь, который ознаменован несколькими этапами, чреват кризисами и мучительными их преодолениями. За историей взросления Николеньки Иртеньева угадывается судьба человека, ищущего смысл жизни и стремящегося жить в соответствии со своей совестью, идущего от сугубо личностного восприятия к народному миропониманию. Созданная в трилогии эпическая картина мира определяется своеобразием художественного мышления Толстого, ориентированного на разрешение «вечных вопросов» и проникнутого морально-нравственным духом.

Тема исследования имеет широкую **перспективу для дальнейшего изучения**. Эпическая природа трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» открывает новый путь к анализу романного творчества писателя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,

проект № 20-012-00102 «Феномен русского эпического романа в академической науке XXI века:

И. А. Гончаров, И. С. Турганев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский».

Список источников

1. **Анненков П. В.** Характеристики: И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой // Анненков П. В. Критические очерки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 100-125.
2. **Бурсов Б. И.** Автобиографическая трилогия Л. Н. Толстого // Вестник Ленинградского университета. Серия общественных наук. 1953. № 9. Вып. 3. С. 105-126.
3. **Громов П. П.** О стиле Льва Толстого: становление «диалектики души». Л.: Худож. лит., 1971. 390 с.
4. **Гусев Н. Н.** Л. Н. Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 916 с.
5. **Елизаветина Г. Г.** Диалектика становления личности. Автобиографическая трилогия Л. Толстого и «Былое и думы» А. И. Герцена // Толстой и литература народов Советского Союза: сб. статей. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1978. С. 116-128.
6. **Николаева Е. В.** Повесть Л. Н. Толстого «Детство» // Конспекты уроков для учителя литературы. 6-10 классы. Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой: пособие для учителя. М.: Владос, 2002. С. 298-318.
7. **Опульская Л. Д.** Первая книга Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. С. 479-508.
8. **Попов П.** Стиль ранних повестей Толстого // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Л. Н. Толстой. Кн. I. С. 78-116.
9. **Романова Н. И.** Повесть «Детство» в свете формирования художественного мира Л. Н. Толстого // Русская словесность. 2018. № 6. С. 31-38.
10. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.
11. **Толстой Л. Н.** Война и мир: в 4-х т. М.: Правда, 1986. Т. 4. 384 с.
12. **Толстой Л. Н.** Воскресение. М.: Наука, 1964. 580 с.
13. **Толстой Л. Н.** Детство. Отрочество. Юность. М.: Правда, 1987. 432 с.
14. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Художественная литература, 1935. Т. 2. 417 с.
15. **Храпченко М. Б.** Лев Толстой как художник. М.: Советский писатель, 1965. 508 с.
16. **Чуприна И. В.** Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1961. 191 с.
17. **Шкловский В. Б.** Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с.
18. **Эйхенбаум Б. М.** Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Epic Worldview in L. N. Tolstoy's Trilogy "Childhood", "Boyhood", "Youth"

Gorodilova Natalia Ivanovna, PhD

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natromanova2007@yandex.ru

The article is devoted to analysing L. N. Tolstoy's autobiographical trilogy "Childhood", "Boyhood", "Youth" in the context of the formation of the epic leitmotif of his creative world. Scientific novelty of the research is determined by studying the trilogy as the writer's first epic conception. The aim of the research is to analyse the means of implementing epic worldview and establish a connection between the trilogy and the author's novelistic work. The attained results have shown that epic nature of the trilogy is contingent on magnitude of creative challenge (to depict different ages as life stages), choice of the protagonist and the type of conflict (a conscientious person, prone to have an analytical outlook on life, seeking the true meaning of life), with its resolution relying upon the protagonist's progression from "I" towards the world.

Key words and phrases: Tolstoy; novel; epic; autobiographical trilogy; artistic conception.

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.9.2>

Дата поступления рукописи: 09.07.2020

Цель исследования – определить роль и функциональные особенности костюмных аксессуаров в художественном осмыслении мира И. С. Тургеневым и в бытописательской практике С. Т. Аксакова. **Научная новизна работы** состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка системного сопоставления творческой работы Тургенева и Аксакова в ракурсе анализа костюмной детализации, в результате чего выявляется специфика авторского смыслообразования. **Полученные результаты** показали, что специфика детализации Тургенева и Аксакова выявляет различия авторских задач двух писателей, постановка которых обусловлена двумя разными дискурсами: художественным и правдописательным.

Ключевые слова и фразы: И. С. Тургенев; С. Т. Аксаков; костюмные аксессуары; детализация; авторская задача.

Гребенщиков Юрий Юрьевич

Московский городской педагогический университет
astrum.virtu@gmail.com

Костюмные аксессуары в романах И. С. Тургенева 1850-х годов и в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова

В романах И. С. Тургенева «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860) и в автобиографической трилогии С. Т. Аксакова, которая включает в себя «Семейную хронику» (1856), «Детские годы